

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-390-405>
EDN: HVSUPU

Научная статья / Research Article

Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Зрелые произведения

А.Н. Круглов

Российский государственный гуманитарный университет,
Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6

 akrouglov@mail.ru

Аннотация. В «Феноменологии духа» и «Философии права» Г.В.Ф. Гегель подробнее раскрывает некоторые тезисы о войне, высказанные в ранних статьях и манускриптах, но принципиально его взгляд на войну не меняется. В «Феноменологии духа» Гегель отстаивает необходимость и право правительств периодически инициировать войну, дабы препятствовать изолированию и атомизации, а также дать почувствовать индивидам смерть. Как и ранее, война у Гегеля обладает моментом нравственной субстанции. В «Философии права» Гегель представляет финальные размышления о войне, которые еще больше, чем «Феноменология духа», опираются на идеи ранней статьи о естественном праве 1802—1803 гг. Гегель подчеркивает нравственную роль жертвенности в войне, а также высказывает критику в адрес не абстрактного вечного мира, но уже конкретного философского проекта Канта. Согласно Гегелю кантовский вечный мир больше напоминает вечный обман, поскольку требуемый для него союз государств недостижим, а в качестве претора не может выступать никто иной, кроме самого мирового духа в мировой истории. В духе ценимого им Гераклита Гегель утверждает, что войны лежат в природе вещей. Споры гегелеведов о том, имелась ли в гегелевской философии глорификация войны или нет, автор предлагает разрешить, уйдя от термина «глорификация» к термину «беллицизм», который лучше соответствует размеренным, беспарошным, лишенным конкретных исторических импликаций тезисам Гегеля о разумности, необходимости, нравственности войны и нравственном нездоровье вечного мира.

Ключевые слова: вечный мир, пожертвование, нравственность, признание, Философия права, глорификация войны, беллицизм

История статьи:

Статья поступила 25.12.2022

Статья принята к публикации 06.02.2023

© Круглов А.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Круглов А.Н. Беллицистский взгляд Гегеля на войну. Зрелые произведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 2. С. 390—405. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-390-405>

Hegel's Bellicis View of War. Mature Works

A.N. Krouglov

Russian State University for the Humanities,
6, Miusskaya square, 125047, Moscow, Russian Federation
 akrouglov@mail.ru

Abstract. In “The Phenomenology of Spirit” and “Philosophy of Right”, Hegel gives a detailed specification of the theses about the war that were claimed in earlier papers and manuscripts, but his position is not fundamentally changed. In the “The Phenomenology of Spirit” Hegel advocates governments’ need and right to initiate a war from time to time in order to prevent both the isolation and atomization, and let individuals feel the death. As in the past, the war, as Hegel says, has a moment of ethical life. In the “Philosophy of Right” Hegel introduces final deliberations about war that rely on ideas of his earlier paper about natural law even more than in the “The Phenomenology of Spirit”. Hegel emphasizes the ethical role of sacrifice in the war and expresses opinions critical of not an abstract perpetual peace but a concrete philosophical project of Kant. Due to Hegel, Kant’s perpetual peace does not resemble a perpetual deception, since the required union of states is elusive and none except the world spirit in the world history can be a praetor. In line with Heraclitus, Hegel maintains that wars underlie the nature of things. I contribute to the discussions of Hegel scholars if Hegel’s philosophy glorifies a war or not as follows: I substitute the term “glorification” with the term “bellicisme” that suits better to measured, not snobbish and deprived of certain historical implications Hegel’s theses about reasonableness, necessity, the ethicality of war and ethicality of perpetual peace illness.

Keywords: perpetual peace, ethical life, sacrifice of life, recognition, Philosophy of Right, glorification of war, bellicisme

Article history:

The article was submitted on 25.12.2022

The article was accepted on 06.02.2023

For citation: Krouglov AN. Hegel’s Bellicis View of War. Mature Works. *RUDN Journal of Philosophy*. 2023;27(2):390—405. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-2-390-405>

«Феноменология духа»: необходимость для правительства потрясения войнами изолирующихся систем

Если в ранней работе о естественном праве (1802—1803), о которой шла речь в предыдущей части статьи, война рассматривалась Г.В.Ф. Гегелем преимущественно сквозь призму отношений между народами как индивидуальностями, то в «Феноменологии духа» (1807) мы видим иной взгляд — взгляд

на войну исходя изнутри одного народа, исходя из его целей, вне какой-то прямой связи с иными народами и их правами. Казалось бы, тем самым снимается абсолютная необходимость наличия положительной и отрицательной сторон и тем самым войны как таковой. Однако Гегель утверждает нечто прямо обратное.

В разделе о духе, касающемся нравственного мира, Гегель недвусмысленно провозглашает: «Дух всеобщего сочетания есть *простота* и *негативная* сущность этих изолирующихся систем. Для того чтобы последние не укоренились и не укрепились в этом изолировании, благодаря чему целое могло бы распастись и дух улетучился (*verfliegen*) бы, правительство должно время от времени внутренне потрясать их посредством войн, нарушать этим и расстраивать наладившийся порядок и право независимости (*Selbstständigkeit*); индивидам же, которые, углубляясь в это, отрываются от целого и неуклонно стремятся к неприкосновенному *для-себя-бытию* и личной безопасности, дать почувствовать в указанной работе, возложенной на них, их господина — смерть. Этим разложением формы существования дух предотвращает погружение из нравственного наличного бытия в природное и сохраняет самость своего сознания и возводит его в *свободу* и в свою *силу*» [1. С. 230—231; 2. S. 335]. Таким образом, даже если акцент переносится Гегелем с отношения между народами на отношения индивидов внутри государства, то и здесь сохраняется все та же проблема загнивания, изолирования и улетучивания духа, которым должно быть что-то противопоставлено. Средство, предлагаемое Гегелем, оригинальностью не отличается — это все та же война, посредством которой может быть прочувствована вся сила смерти. Как и ранее, это средство несет в себе, согласно Гегелю, нравственные черты. Изолирование систем и атомизация индивидов представляют собой нравственную угрозу, ибо имеют тенденцию к натурализации нравственного и устранению духа, создавая преграды на пути свободы. Разрушая все это, война выполняет нравственную функцию.

По сравнению со статьей о естественном праве в «Феноменологии духа» появился частичный ответ на вопрос о том, как именно происходит смена войны и мира. Если в 1802—1803 гг. чередование положительной и отрицательной сторон происходило по неуказанным причинам, которые действовали с непроясненной периодичностью словно сами собой, то в 1807 г. Гегель идет дальше: если война настолько разумна и необходима, а потому порой и желательна, то нельзя предоставить ее воле случая. Напротив, следует вести ее сознательно, и так же сознательно и искусственно ее и начинать. Как справедливо отмечает Т. Циглер, свершать это является делом правительства, в котором общественность имеет свою действительную жизненность. Поэтому правительство имеет право и обязанность время от времени одаривать свой народ благодатью войны (см.: [3. S. 92]). Но каким образом осуществляется обратная перемена — от войны к миру — в «Феноменологии духа» еще не тематизируется.

В другом подразделе все того же раздела о духе, затрагивающем нравственное действие, Гегель вновь обращается к теме войны: «Война есть дух и форма, в которой имеется налицо в своей действительности и подтверждении существенный момент нравственной субстанции, абсолютная свобода нравственной самодовлеющей сущности от всякого наличного бытия. [...] война, с одной стороны, дает почувствовать силу негативного единичным системам собственности и личной независимости, равно как и самой отдельной личности, а, с другой стороны, именно эта негативная сущность возвышается в войне как то, чем сохраняется целое...» [1. С. 243—244; 2. S. 353—354]. Еще более недвусмысленно, чем ранее, Гегель утверждает, тем самым, нравственный характер войны как таковой, формулируя тезис о войне, содержащей в себе существенный момент нравственной субстанции.

Приведенные рассуждения немецкого философа позволяют, на мой взгляд, объяснить, почему он фиксирован именно на войне, а не на каких-то ее эрзацах. Даже если вслед за Гегелем признать все те опасности со стороны мира для изолирования систем, атомизации индивидов, улечувивания духа и натурализации нравственного, почему единственным средством против всего этого должна выступать исключительно война? И без войны, в период более-менее продолжительного мира народы и индивиды сталкиваются с серьезными вызовами: от бедности и нищеты до природных катаклизмов и эпидемий. Почему же Гегель оставляет их все в стороне, отдавая предпочтение лишь войне? Помимо технических соображений о том, что правительства могут инициировать войны по собственному усмотрению в нужный момент, в то время как природные катаклизмы им подобным образом неподвластны, имеется еще одно важно основание, объясняющее выбор Гегеля в пользу войны: абсолютная свобода, упоминаемая философом в процитированном выше фрагменте. Как пронциательно подмечает Х. Шнедельбах, в отличие от природных катастроф и эпидемий как следствий сил природы лишь война составляет нечто политическое, некое проявление самоопределяющей себя свободы (см.: [4. S. 263]; ср.: [5. S. 366]).

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что в «Феноменологии духа» вновь пропал какой-либо исторический контекст, намечавшийся в некоторых фрагментах о войне в «Системе нравственности». Пусть и не столь развернуто, но в довольно концентрированной форме Гегель не обходит стороной вопрос о войне в своих важных печатных произведениях. Речь, таким образом, идет не о каких-то оговорках или туманных фразах, сказанных на лекциях. Соответствующие пассажи Гегеля не производят впечатления случайных, необдуманых мыслей. Напротив, они хорошо продуманы, и в мыслях Гегеля о войне видна ясная логика. При этом по крайней мере в первое десятилетие XIX в. какая-либо динамика в его взглядах на войну не просматривается, хотя некоторые вопросы со временем и оказываются проясненными более отчетливо.

Во внешних обстоятельствах создания гегелевского трактата «Феноменология духа» как раз присутствует личностный, коренящийся в конкретной

исторической ситуации аспект — а ссылками именно на подобного рода обстоятельства многие сторонники Гегеля пытаются релятивизировать его высказывания о войне. В лекциях по истории философии Гегель довольно подробно излагает историю о проявленном Сократом мужестве во время боевых действий (см.: [6. С. 38—39]), в которых ему, по современным оценкам, было около 40 лет и больше. Сократ спас раненого Алкивиада и его оружие из окружения врагов. Когда Гегель заканчивал работу над рукописью «Феноменологии духа», ему было 36—37 лет, и он, находясь в Йене, испытывал восхищение при взгляде на Наполеона: «Самого императора — эту мировую душу — я увидел, когда он выезжал на коне на рекогносцировку. Поистине испытываешь удивительное чувство, созерцая такую личность, которая, находясь здесь, в этом месте, восседая на коне охватывает весь мир и властвует над ним» [7. С. 255]. В первых строках этого процитированного письма Ф.И. Нитхаммеру в октябре 1806 г. Гегель специально отметил, что написал его в тот день, когда Йена была занята французскими войсками во главе с Наполеоном (см.: [7. С. 254]). Чуть позже Гегель выразил еще более претенциозно Ф. Шеллингу просьбу отнестись со снисхождением к форме его «Феноменологии духа», поскольку последние ее части были отредактированы «в ночь перед сражением при Йене» [8. С. 271].

Степень исторической правдивости утверждений Гегеля можно оценивать по-разному: так, если К. Розенкранц заявлял по поводу этого пассажа, что он не является неправильным (см.: [9. S. 228]), то К. Фишер прямо говорил, что гегелевское указание является ложным и напыщенным, а сам этот факт при всей театральности фразы совершенно непредставим (см.: [10. С. 74]). Важнее в данном случае общее настроение, которое сквозит в этих письмах. Шваб Гегель, пребывая в герцогстве Саксен-Веймар, отстраненно и безразлично пишет в них о «пруссаках», на службу которым он вскоре поступит и которых станет воспевать в «Философии права». Даже такой вздорный и непоследовательный человек, как И.Г. Фихте, на одной из карикатур в 1813 г. изображен немецким ополченцем с кривой секирой в руке и пистолетами за поясом. Упивающийся же видом Наполеона и столь убежденный в разумности, нравственности и необходимости войны Гегель не записался добровольцем в армию, не вторгся в составе наполеоновской армии подобно своему младшему брату, офицеру Георгу Людвигу, в Россию, найдя здесь свою смерть, а все переживал о том, как бы рукопись его нового трактата вовремя дошла до издателя, а сам бы он не пострадал от «необеспеченности» в виде «гусар с обнаженными саблями» [11. С. 361. § 324; 12. S. 494. § 324].

«Философия права»: о нравственном моменте войны

Финальный этап гегелевских размышлений о войне — его последнее крупное печатное произведение «Философия права» (1821). В этой работе Гегель, с одной стороны, повторяет аргументы из статьи 1802—1803 годов, причем — редчайший для него случай — использует самоцитату из статьи о

естественном праве¹, а с другой стороны, добавляет и новые, высказываясь при этом и о вечном мире в кантовском смысле. Прямая связь с пассажами о войне из «Феноменологии духа» здесь не просматривается.

В (печально) знаменитом § 324 Гегель выдвигает новые аргументы в пользу нравственного характера войны. На этот раз речь идет о требовании жертвования жизнью — правда, в случае самого Гегеля, в первую очередь других, а не себя — ради спасения государства как субстанциальной индивидуальности, независимости и суверенной целостности. В этом жертвовании «заключается нравственный момент войны, которую не следует рассматривать как абсолютное зло (*Übel*) и чисто внешнюю случайность, коя тем самым имеет свое случайное основание в чем угодно — в страстях власть имущих или народов, в несправедливости и т.п., вообще в том, чего не должно быть» [11. С. 359. § 324]². Проблема самопожертвования развивается Гегелем и в следующем параграфе, в котором сохранение индивидуальности государства становится делом специального сословия, называемого сословием храбрости (см.: [11. С. 361. § 325]).

Тема жертвенности обсуждалась в философии права и до Гегеля. Кант, переживший странную Семилетнюю войну в Кенигсберге, в полемике с Г. Ахенвалем, по учебнику «*Juris naturalis pars posterior*» которого читал собственные лекции по естественному праву, утверждал: «Всякий закон должен быть возможен в своем возникновении путем всеобщего согласия. [...] Может ли государство пожертвовать некоторыми гражданами ради наилучшего для этого государства? Нет, ибо все не стали бы голосовать за это. Это возможно, чтобы люди предпочли пожертвование себя сохранению [жизни] ради наилучшего для Отечества: однако это *officium amoris*, но не *necessitatis*»³. Этот однозначно отрицательный ответ Канта, истолковывающий самопожертвование как необязательный долг любви, можно противопоставить возникшему во время Семилетней войны сочинению Т. Аббта «О смерти за Отечество» (см.: [14]), как раз призывавшему к самопожертвованию. Примечательно, что на фоне регулярных обвинений Канта то в ригоризме, то в мечтательности этические и правовые воззрения Гегеля нередко пользуются репутацией реалистических и приближенных к жизни (см.: [15. С. 19, 90]). Вероятно, подобные клише возникли явно без учета гегелевского тезиса о самопожертвовании как всеобщей обязанности.

В 324-м параграфе Гегель, пожалуй, впервые, занимаясь теоретическим рассмотрением войны, готов посмотреть на нее в том числе и сквозь призму горя и зла — правда и здесь не абсолютного, а напротив, такого относительного, которое по-прежнему включает в себя нравственный момент, а также предполагает необходимый, неслучайный характер. Уже в первую большую часть «Философии права», посвященную абстрактному праву, Гегель

¹ На этот факт уже давно обратили внимание гегелеведы — особенно немецкие.

² Перевод исправлен по оригиналу: [12. S. 492. § 324].

³ В новом критическом издании: [13. S. 79].

органично включает раздел, называемый им «неправо» (Unrecht). Особенность гегелевского взгляда состоит в том, что неправо представляет собой не некое случайное нарушение права, допущенное по недосмотру, недомыслию или даже злему умыслу, но которое как таковое исключается из собственного рассмотрения права, представляя лишь его девиацию. Напротив, неправо оказывается необходимым, вплетенным в сам ход гегелевской логики элементом движения от абстрактного права к моральности, без которого невозможно обойтись. Тем самым неправо представляет собой не извращение или нарушение за пределами собственно права, а наоборот, оказывается необходимо и сущностно включено в него. С войной же в завершающей части «Философии права», посвященной нравственности, дело обстоит еще проще: здесь и вовсе нельзя найти даже обывательских аргументов для рассмотрения войны как некоей девиации и чего-то предосудительного, нарушающего «неотменимое veto» морально практического разума [16. С. 425; 17. S. 354].

Как и в ранней статье о естественном праве, в «Философии права» Гегель вновь выдвигает на первый план высокое значение войны, связанное с сохранением и поддержанием нравственного здоровья народа. Неизменность позиции философа по этому вопросу наглядно демонстрирует и самоцитата: война как «то состояние, в котором принимается всерьез суетность временных благ и вещей, о чем обычно трактуют лишь назидательно, есть, следовательно, момент, когда идеальность особенного получает свое право и становится действительностью; высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей, как я это выразил в другом месте, „сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем более вечного мира“. Что это, впрочем, лишь философская идея, или, как это обычно выражают иначе, лишь оправдание провидения, и что действительные войны нуждаются еще и в другом оправдании, об этом будет сказано ниже» [11. С. 360. § 324; 12. S. 492—493. § 324].

Порой может сложиться впечатление, что в «Философии права» Гегель не отрицает понимание войны как некоего случайного внешнего отношения. При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что и в этом случае подобное внешнее отношение совпадает с органическим внутренним. В качестве подтверждения Гегель ссылается на то обстоятельство — правда, без исторической конкретизации, — что удачные войны могли препятствовать внутреннему бунту, а также способствовали укреплению государственной власти (см.: [11. С. 360. § 324; 12. S. 493. § 324; 11]). Говоря об удачных войнах, которые привели к укреплению государственной власти, Гегель, вероятно, опирался на свой собственный опыт человека, испытавшего на себе наполеоновские войны и ретроспективно обозревающего их итоги.

Вечный обман вечного мира

Если в статье по естественному праву Гегель довольно формально противопоставлял войне некий абстрактный вечный мир, то в «Философии права» — как в собственно трактате, так и в так называемых прибавлениях первых редакторов из рукописного наследия философа — он уже подробно высказался о проекте вечного мира Канта. Вновь подчеркивая болотный характер вечного мира и погрязание в повседневность в ходе его царствования, Гегель заметил: «...для здоровья необходимо единство тела, и, если части его затвердевают внутри себя, наступает смерть. Вечный мир часто провозглашается как идеал, к которому должно стремиться человечество. Так, *Кант* предлагал создать союз правителей, в задачу которого входило бы улаживать споры между государствами, и Священный союз имел намерение стать чем-то вроде подобного института» [11. С. 361. § 324]⁴. Пример, приводимый Гегелем, может выглядеть разве что карикатурой на замысел Канта, поскольку Священный союз объединял уж никак не государства республиканского устройства, о которых говорил Кант в трактате «К вечному миру» (см.: [18. С. 373; 19. S. 349]).

Но если оставить в стороне это историческое недоразумение, то можно сформулировать вопрос в общей форме: каково отношение Гегеля к какому-либо союзу государств, улаживающих свои разногласия, не прибегая к военным средствам, в принципе? Принципиальное соображение, которое для Гегеля имеет здесь решающее значение, состоит в отсутствии некоего претора над государствами, в результате чего на роль регуляторов конфликтных отношений между государствами могут претендовать лишь некие посредники или третейские судьи. Это, в свою очередь, означает, что разрешение конфликта осуществляется согласно не общей, а лишь особенной воле, а потому носит лишь случайный характер. Та же случайность свойственна и кантовскому проекту: «*Кантовское* представление о *вечном мире* путем союза государств, который способен уладить любые споры, устранить в качестве признаваемой каждым отдельным государством власти всякие недоразумения и тем самым сделать невозможным решение их посредством войны, предполагает *согласие* государств, которое покоилось бы на моральных, религиозных или любых других основаниях и соображениях, вообще — всегда на особенной суверенной воле и вследствие этого оставалось бы зависимым от случайности» [11. С. 366—367. § 333]⁵.

Таким образом, Гегель не отрицает возможность ситуационных союзов в тех или иных конкретных исторических обстоятельствах. Но как Кант не считает возможным основать подлинную мораль на случайных и «патологических» основаниях склонности, так и Гегель не видит возможности прочного союза государств, основанного на случайности и особенной воле. В йенский

⁴ Перевод исправлен по оригиналу: [12. S. 493—494. § 324].

⁵ Перевод исправлен по оригиналу: [12. S. 500. § 333].

период в лекциях по философии духа 1803—1806 годов Гегель высказывался даже таким образом, что попытка создания союза государств на основе трактатов и договоров вела бы к превращению в некое единое государство и универсальной монархии, поскольку всеобщее объединение народов ради вечного мира становилось бы господством Одного народа, или это был бы только один народ⁶ (см.: [21. S. 250]).

Скорее, Гегель все же исходит и из фактической нереализуемости прочного длительного союза с опорой на кантовские основания. Причина этого состоит в природе государства как индивида, в сущности которого заложено некое отрицание. Отталкиваясь от этого тезиса, Гегель делает вывод о том, что даже если некоторое число государств и образует союз, то он, будучи новой индивидуальностью, содержащей в себе отрицание, с неизбежностью должен будет вызвать собственную противоположность в виде врага (см.: [11. С. 361. § 324; 12. S. 494. § 324]. Помимо фихтеанских мотивов в духе второго основоположения наукоучения при образовании врага в понимании государств как индивидов Гегелем подчеркивается их природность и тенденция к пребыванию в естественном состоянии (см.: [22. С. 54. § 31]).

Но если кантовские основания для вечного мира, согласно Гегелю, суть лишь проявления особенной воли, то, быть может, возможно апеллировать к воле всеобщей? И именно она могла бы вершить третейский суд над государствами, равно как и оценивать справедливость и несправедливость прав и притязаний противоборствующих государств и народов? В гегелевской философии наличествует подобная инстанция — «высший претор — только всеобщий в себе и для себя сущий дух, мировой дух» [11. С. 369. § 339]⁷. Однако Гегель — по крайней мере напрямую — отказывается к ней обращаться. Подобно Наполеону как «мировой душе» на коне, сам Гегель, похоже, не желает оседлать мировой дух. Задним числом мировой дух произносит свой приговор посредством всемирной истории, как Гегель это выражает, парафразируя стихотворение «Отречение» Ф. Шиллера: «...всемирная история не есть просто суд, творимый силой мирового духа [...] всемирная история есть [...] истолкование и осуществление всеобщего духа» [11. С. 370. § 342; 12. S. 504. § 342; ср.: 24. С. 365. § 548]. Или, если вспомнить столь ценимого Гегелем Гераклита Эфесского: «Грядущий огонь все обоймет и всех рассудит»⁸.

Но критика Гегелем самих воззрений на вечный мир вовсе не означает, что им отвергается временный мир — его устранить столь же невозможно, сколь и временами возникающую войну. И если в «Феноменологии духа» философ показал, каким образом осуществляется переход от мира к войне, то в «Философии права» он уделяет внимание обратному переходу. Гегель

⁶ Совсем иное звучание эти пассажи имели в анонимно изданном Й. Хоффмайстером сборнике 1934 г. времен Третьего рейха: [20].

⁷ Перевод исправлен по оригиналу: [12. S. 503. § 339].

⁸ Фрагмент 66 DK в современном переводе: (см.: [25. С. 239]).

раздумывает о том, какими свойствами должна, а какими не должна обладать война, чтобы после ее окончания была возможность заключить мир — ранее он этого не делал. Конечно, после того как Кант в сочинении «К вечному миру» превратил обсуждение вопроса о характере ведения войны, позволяющем затем заключать прочный мир, в одну из главных проблем, размышления Гегеля не выглядят какой-то большой новацией. Но между Кантом и Гегелем и здесь присутствует существенное отличие: если Кант довольно подробно описывает недопустимые средства войны, которые разрушают или делают невозможным «взаимное доверие в будущем состоянии мира» [18. С. 365; 19. S. 346] бывших врагов, то Гегеля заботит сохранение врагами взаимного признания и после войны. Так, Гегель отмечает: «Вследствие того что государства взаимно признают друг друга в качестве таковых, так же *и в войне*, в состоянии бесправия, насилия и случайности, сохраняется *связь*, в которой они значимы друг для друга как в себе и для себя сущие, так что в войне сама война определена как нечто долженствующее быть преходящим. Поэтому война содержит в себе определение международного права, устанавливающее, что в войне содержится возможность мира, что, следовательно, послы должны быть неприкосновенны и что война вообще ведется не против внутренних институтов и мирной семейной и частной жизни, не против частных лиц» [11. С. 368. § 338; 12. S. 502. § 338]. Обращает на себя внимание также различная степень конкретизации запрещенных в войне средств: в значительно меньшем по объему сочинении Канта «К вечному миру» на эту тему сказано гораздо больше, нежели всего лишь попутное упоминание о неприкосновенности послов.

«Философия права»: возникновение войн там, где они заложены в природе вещей

Прогресс в осознании свободы, который автор «Философии права», как ему казалось, наблюдал в разных сферах жизни — в частности, в государственных и политических преобразованиях вследствие наполеоновских войн, — должен был неизбежно затрагивать тогда и характер ведения боевых действий. Вероятно, это соображение, в отличие от оснований И.Г. Гердера, и толкает Гегеля на его превознесение гуманности огнестрельного оружия, о котором он уже высказывался в ранней рукописи «Система нравственности». Не отступает от этого Гегель и в «Философии права» — здесь высказывается тезис о гуманном характере ведения войн в новейшее время. Это проявляется, согласно немецкому философу, в том, что воюющие люди (Person) по отношению друг к другу не испытывают ненависти, а если личная вражда и сохраняется, то только на передовой. Однако «в армии как армии вражда — нечто неопределенное, отступающее перед чувством долга, которое каждый уважает в другом» [11. С. 368—369; § 338; 12. S. 502. § 338]. Правда, эти доктринальные положения Гегель все же ограничивает: подобный прогресс наблюдается им только в «семье европейских наций».

О тех, кто к просвещенным европейцам не принадлежит, Гегель судит совсем иначе, по-другому оценивая и их способ ведения войны. В «Лекциях по философии истории» в этой связи содержится красноречивый пассаж: «...негры отличаются полным *презрением* к людям, которое в сущности оказывается основным определением со стороны права и нравственности. [...] Этим неуважением к жизни объясняется и то, что негры очень храбры, чему способствует и их огромная физическая сила. Воюя с европейцами, тысячи негров идут на смерть от огнестрельного оружия. Ведь жизнь ценна лишь там, где ее целью оказывается нечто достойное» [26. С. 139—140]⁹.

Если вспомнить, с чего Гегель в «Философии права» начал само обсуждение войны — а это был вопрос о самопожертвовании и о присущем ему нравственном моменте войны, — то рассуждения о самопожертвовании коренных жителей Африки в войнах с европейцами могут показаться странными, но только на первый взгляд. В глазах Гегеля никоим разом нельзя сравнить между собой, поставив на одну доску, самопожертвование европейца и самопожертвование «негра» — совпадая лишь внешне, эти действия с точки зрения свободы, права и нравственности не имеют ничего общего. «Признание» со стороны владельца огнестрельного оружия здесь отсутствует. При этом необходимо учитывать, что весь этот присущий войне нравственный момент, лейтмотивом звучащий в течение десятилетий в произведениях Гегеля, касается не кантовского понимания морали, а именно нравственности в гегелевском смысле, противопоставляемой им моральности: «Нравственность есть *идея свободы*, как живое добро, которое в своем самосознании имеет свое знание, воление, а через его действие свою действительность [...] нравственность есть *понятие свободы*, ставшее наличным миром и природой самосознания» [11. С. 200. § 142; 12. S. 292. § 142].

Итак, в «Философии права» Гегель выразил свои взгляды на войну наиболее развернуто. И хотя некоторые аспекты здесь получили новое освещение — в частности, самопожертвование, условия прекращения войны, оценка кантовского проекта вечного мира или косвенная отсылка к мировому духу, — общий подход Гегеля к войне, включающий утверждение ее периодической неизбежности, неустранимости и необходимости, обладание ее как таковою нравственными чертами, достижение ее средствами признания и нравственного здоровья, не позволяющего целому загнить, затвердеть, а духу улетучиться, осталось неизменным. Историческая контекстуализация и тем самым ограничение тезисов Гегеля о войне конкретными обстоятельствами может касаться только некоторых второстепенных вопросов — таких, как характер ведения современной Гегелю войны или колониальные захваты. На протяжении как минимум двух десятилетий своего активного философского творчества Гегель в своих печатных произведениях неоднократно, пусть и с небольшими вариациями и дополнениями, высказывает в своей основе одни

⁹ Перевод исправлен по оригиналу: [27. S. 124—126].

и те же представления о войне, доходя до самоцитирования. Правда, дело у Гегеля все же не выглядит так, что «Философия права» более обстоятельно и внятно дала ответы на вопросы, затронутые ранее в статье о естественном праве и в «Феноменологии духа». Так, про роль и обязанность правительств в иницировании войны в 1821 г. Гегель не говорит, ограничиваясь многозначительной фразой: «...войны возникают там, где они лежат в природе вещей; посева снова дают всходы, и пустая болтовня умолкает перед серьезными повторениями истории» [11. С. 361. § 324; 12. S. 494. § 324].

Целый ряд исследователей хотя и не отрицал, что Гегель наделял войну нравственным смыслом и подчеркивал ее необходимость, но протестовал против обвинений немецкого философа в глорификации войны¹⁰. На мой взгляд, с этим можно согласиться, но по иным основаниям. Глорификация имела даже в некоторых пассажах такого пацифиста, как Кант, ее можно обнаружить — правда, применительно к какому-то определенному историческому моменту и политическому событию, — и у Фихте. Еще легче ее можно найти в поэзии Шиллера или особенно Г. фон Клейста. Но ничего подобного — или почти ничего подобного, если не выдвигать на передний план искусственным образом некоторые высказывания о мужестве — у Гегеля как раз и нет. Что у него есть, так это не прославление, а почти занудная, размеренная, беспасфосная, безэмоциональная и тем еще более устрашающая речь в духе «Науки логики» о разумности, необходимости, нравственности, ценности войны и безнравственности вечного мира, причем, как справедливо замечал Циглер, совсем не будучи охваченным возбуждением необходимой и освободительной войны, а, напротив, будь то в 1802 или 1820 г., посреди царящего вокруг него мира (см.: [3. S. 96]). Учитывая пиетизм Гегеля к Гераклиту и вспоминания изречение последнего «Война отец всех вещей»¹¹, для гегелевских взглядов на войну лучше и точнее бы подошел другой термин¹² — беллицизм.

Список литературы

- [1] *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / пер. Г.Г. Шпета / отв. ред. М.Ф. Быкова. М. : Наука, 2000.
- [2] *Hegel G.W.F.* Phänomenologie des Geistes // Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832—1845 neu edierte Ausgabe / hrsg. von E. Moldenhauer, K.M. Michel. Bd. 3. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1986. S. 11—592.
- [3] *Ziegler Th.* Hegels Anschauung vom Krieg // Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. 1912/1913. Bd. 6. S. 88—96.

¹⁰ См., например: [28. P. 58—60; 29. P. 628]. См. также третий раздел в сборнике «Мифы и легенды о Гегеле» под названием «Миф о том, что Гегель глорифицировал войну», включающий в себя следующие статьи, в том числе и публиковавшиеся уже ранее: [30. P. 131—141; 31. P. 142—153; 32. P. 154—166; 33. P. 167—182].

¹¹ Фрагмент 53 DK в современном переводе: (см.: [25. С. 202]).

¹² Ср. с «беллицистскими» убеждениями Гегеля: (см.: [4. S. 262]).

- [4] *Schnädelbach H.* Die Verfassung der Freiheit (§§ 272—340) // G.W.F. Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts / hrsg. von L. Siep. Berlin : De Gruyter, 1997. S. 244—265.
- [5] *Jaeschke W.* Hegel-Handbuch. Leben — Werk — Schule. Stuttgart : J.B. Metzler, 2016.
- [6] *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 2 / пер. Б.Г. Столпнера // Сочинения. Т. 10. М. : Партийное издательство, 1932.
- [7] *Гегель Г.В.Ф.* Письмо к Ф.И. Нитхаммеру от 13 октября 1806 г. / пер. Ц.Г. Арзаканьяна // Работы разных лет / под ред. А.В. Гулыги. Т. 2. М. : Мысль, 1971. С. 254—256.
- [8] *Гегель Г.В.Ф.* Письмо к Ф.В.Й. Шеллингу от 1 мая 1807 г. / пер. Ц.Г. Арзаканьяна // Работы разных лет / под ред. А.В. Гулыги. Т. 2. М. : Мысль, 1971. С. 270—272.
- [9] *Rosenkranz K.* Georg Wilhelm Friedrich Hegel's Leben. Supplement zu Hegel's Werken. Berlin : Duncker und Humblot, 1844.
- [10] *Фишер К.* Гегель, его жизнь, сочинения и учение / пер. Н.О. Лосского. СПб. : Издание Д.Е. Жуковского, 1902.
- [11] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. Б.Г. Столпнера, сверка М.И. Левиной / под ред. Д.А. Керимова, В.С. Нерсесянца. М. : Мысль, 1990.
- [12] *Hegel G.W.F.* Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Mit Hegels eigenhändigen Notizen und den mündlichen Zusätzen // Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832—1845 neu edierte Ausgabe / hrsg. von E. Moldenhauer, K.M. Michel. Bd. 7. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1986. S. 11—514.
- [13] *Delfosse H.P., Hinske N., Sadun Bordonni G.* Stellenindex und Konkordanz zum “Naturrecht Feyerabend”/ erstellt in Zusammenarbeit mit M. Trauth. Teilband 2: Abhandlung des “Naturrechts Feyerabend”. Stuttgart-Bad Cannstatt : frommann —holzboog, 2014.
- [14] *Abbt Th.* Von dem Tode für das Vaterland. Berlin : Nicolai, 1761.
- [15] *Нерсесянц В.С.* Философия права Гегеля. М. : Юристъ, 1998.
- [16] *Кант И.* Метафизика нравов / пер. С.Я. Шейман-Топштейн, сверка Ц.Г. Арзаканьяна, Н.В. Мотрошиловой // Сочинения на русском и немецком языках / отв. за издание Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 5. Ч. 1. М. : Канон+, 2014. С. 19—475.
- [17] *Kant I.* Metaphysik der Sitten // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VI. Berlin : Georg Reimer, 1914. S. 203—494.
- [18] *Кант И.* К вечному миру / пер. Л.А. Комаровского, сверка Т.И. Ойзермана // Сочинения на русском и немецком языках / отв. за издание Н.В. Мотрошилова, Б. Тушлинг. Т. 1. М. : Ками, 1994. С. 355—477.
- [19] *Kant I.* Zum ewigen Frieden // Kant's Gesammelte Schriften / hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VIII. Berlin : De Gruyter, 1923. S. 343—386.
- [20] *Hegel heute. Eine Auswahl aus Hegels politischer Gedankenwelt.* Leipzig : Meiner, 1934.
- [21] *Hegel G.W.F.* [Philosophie des Geistes] // Jenaer Systementwürfe III. Naturphilosophie und Philosophie des Geistes / Neu hrsg. von R.-P. Horstmann. Hamburg : Meiner, 1987. S. 171—262.
- [22] *Гегель Г.В.Ф.* Философская пропедевтика / пер. В.А. Драгуна // Работы разных лет / под ред. А.В. Гулыги. Т. 2. М. : Мысль, 1971. С. 7—212.
- [23] *Hegel G.W.F.* Texte zur Philosophischen Propädeutik // Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832—1845 neu edierte Ausgabe / hrsg. von E. Moldenhauer, K.M. Michel. Bd. 4. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1986. S. 9—304.

- [24] Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа / пер. Б.Г. Столпнера. М. : Мысль, 1977.
- [25] Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I / подг. А.В. Лебедевым ; под ред. И.Д. Рожанского. М. : «Наука», 1989.
- [26] Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб. : «Наука», 2000.
- [27] Hegel G.W.F. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte // Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832—1845 neu edierte Ausgabe / Hrsg. von E. Moldenhauer, K.M. Michel. Bd. 12. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. S. 11—560.
- [28] Bruggencate H.G. Hegel's Views on War // *Philosophical Quarterly*. 1950. Vol. 1. P. 58—60.
- [29] Smith S.B. Hegel's Views on War, the State, and International Relations // *The American Political Science Review*. 1983. Vol. 77. P. 624—632.
- [30] Avineri Sh. The Problem of War in Hegel's Thought // *The Hegel Myths and Legends*. Stewart J, editor. Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 1996. P. 131—141.
- [31] Verene D.P. Hegel's Account of War // *The Hegel Myths and Legends*. Stewart J, editor. Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 1996. P. 142—153.
- [32] Harris E.E. Hegel's Theory of Sovereignty, International Relations, and War // *The Hegel Myths and Legends*. Stewart J, editor. Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 1996. P. 154—166.
- [33] Walt S. Hegel on War: Another Look. // *The Hegel Myths and Legends*. Stewart J, editor. Evanston, Ill. : Northwestern University Press, 1996. P. 167—182.

References

- [1] Hegel GWF. *The Phenomenology of Spirit*. Shpet GG, transl. Bykova VF, editor. Moscow: Nauka; 2000. (In Russian).
- [2] Hegel GWF. Phänomenologie des Geistes. In: *Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832—1845 neu edierte Ausgabe*. rsg. von Moldenhauer E, Michel KM. Bd. 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. S. 11—592.
- [3] Ziegler Th. Hegels Anschauung vom Krieg. *Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie*. 1912/1913;6:88—96.
- [4] Schnädelbach H. Die Verfassung der Freiheit (§§ 272—340). In: *G.W.F. Hegel, Grundlinien der Philosophie des Rechts*. Hrsg. von Siep L. Berlin: De Gruyter; 1997. S. 244—265.
- [5] Jaeschke W. *Hegel-Handbuch. Leben — Werk — Schule*. Stuttgart: J.B. Metzler; 2016. 540 S.
- [6] Hegel GWF. *Lectures on the History of Philosophy*. Vol. 2. Stolpner BG, transl. In: *Works*. Vol. 10. Moscow: Partiinoe izdatel'stvo; 1932. (In Russian).
- [7] Hegel GWF. Letter to F.I. Niethammer of October 13, 1806. Arzakan'yan TSG, transl. In: *Works from different years*. Gulyga AV, editor. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1971. P. 254—256. (In Russian).
- [8] Hegel GWF. Letter to F.W.J. Schelling of May 1, 1807. Arzakan'yan TSG, transl. In: *Works from different years*. Gulyga AV, editor. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1971. P. 270—272. (In Russian).
- [9] Rosenkranz K. *Georg Wilhelm Friedrich Hegel's Leben. Supplement zu Hegel's Werken*. Berlin: Duncker und Humblot, 1844.
- [10] Fischer K. *Hegel, his life, writings, and teachings*. Losskii NO, transl. Saint Petersburg: Izdanie D.E. Zhukovskogo; 1902. (In Russian).

- [11] Hegel GWF. *Philosophy of Right*. Stolpner BG, Levina MI, transl. Kerimov DA, Nersesyants VS, editors. Moscow: Mysl'; 1990. (In Russian).
- [12] Hegel GWF. Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse. Mit Hegels eigenhändigen Notizen und den mündlichen Zusätzen. In: *Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832—1845 neu edierte Ausgabe*. Hrsg. von Moldenhauer E, Michel KM. Bd. 7. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1986. S. 11—514.
- [13] Delfosse HP, Hinske N, Sadun Bordoni G. *Stellenindex und Konkordanz zum „Naturrecht Feyerabend“*. Erstellt in Zusammenarbeit mit M. Trauth. Teilband 2: *Abhandlung des „Naturrechts Feyerabend“*. Stuttgart-Bad Cannstatt: frommann — holzboog; 2014.
- [14] Abbt Th. *Von dem Tode für das Vaterland*. Berlin: Nicolai; 1761.
- [15] Nersesyants VS. *Hegel's Philosophy of Right*. Moscow: Yurist'; 1998. (In Russian).
- [16] Kant I. *Metaphysics of Morals*. Sheiman-Topshtein SYA, transl. In: *Works in German and in Russian*. Motroshilova NV, Tuschling B, editors. Vol. 5.1. Moscow: Kanon+; 2014. P. 19—475. (In Russian).
- [17] Kant I. *Metaphysik der Sitten*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VI. Berlin: Georg Reimer; 1914. S. 203—494.
- [18] Kant I. Perpetual peace. Komarovskii LA, Oizerman TI, transl. In: *Works in German and in Russian*. Motroshilova NV, Tuschling B, editors. Vol. 1. Moscow: Kami; 1994. P. 355—477. (In Russian).
- [19] Kant I. *Zum ewigen Frieden*. In: *Kant's Gesammelte Schriften*. Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. VIII. Berlin: De Gruyter; 1923. S. 343—386.
- [20] Hegel heute. Eine Auswahl aus Hegels politischer Gedankenwelt. Leipzig: Meiner; 1934.
- [21] Hegel GWF. [*Philosophie des Geistes*]. In: *Jenaer Systementwürfe III. Naturphilosophie und Philosophie des Geistes*. Neu hrsg. von Horstmann R-P. Hamburg: Meiner; 1987. S. 171—262.
- [22] Hegel GWF. *Philosophical Propaedeutics*. Dragun VA, transl. In: *Works from different years*. Gulyga AV, editor. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1971. P. 7—212. (In Russian).
- [23] Hegel GWF. Texte zur Philosophischen Propädeutik. In: *Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832—1845 neu edierte Ausgabe*. Hrsg. von Moldenhauer E, Michel KM. Bd. 4. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1986. S. 9—304.
- [24] Hegel GWF. *The Encyclopedia of the Philosophical Sciences*. Vol. 3. *Philosophy of Spirit*. Stolpner BG, transl. Moscow: Mysl'; 1977. (In Russian).
- [25] *Fragments of the Early Greek Philosophers*. Vol. I. Lebedev AV, transl. Rozhanskii ID, editor. Moscow: Nauka; 1989. (In Russian).
- [26] Hegel GWF. *Lectures on the Philosophy of History*. Voden AM, transl. Saint Petersburg: Nauka; 2000. (In Russian).
- [27] Hegel GWF. Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. In: Hegel GWF. *Werke. Auf der Grundlage der Werke von 1832—1845 neu edierte Ausgabe*. Hrsg. von Moldenhauer E, Miche KM. 1. Bd. 12. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1989. S. 11—560.
- [28] Bruggencate HG. ten. Hegel's Views on War. *Philosophical Quarterly*. 1950;1:58—60.
- [29] Smith SB. Hegel's Views on War, the State, and International Relations. *The American Political Science Review*. 1983;77:624—632.
- [30] Avineri Sh. *The Problem of War in Hegel's Thought*. In: *The Hegel Myths and Legends*. Stewart J., editor. Evanston, Ill.: Northwestern University Press; 1996. P. 131—141.

- [31] Verene DP. Hegel's Account of War. In: *The Hegel Myths and Legends*. Stewart J., editor. Evanston, Ill.: Northwestern University Press; 1996. P. 142—153.
- [32] Harris EE. *Hegel's Theory of Sovereignty, International Relations, and War*. In: *The Hegel Myths and Legends*. Stewart J., editor. Evanston, Ill.: Northwestern University Press; 1996. P. 154—166.
- [33] Walt S. *Hegel on War: Another Look*. In: *The Hegel Myths and Legends*. Stewart J., editor. Evanston, Ill.: Northwestern University Press; 1996. P. 167—182.

Сведения об авторе:

Круглов Алексей Николаевич — доктор философских наук, профессор, кафедра истории зарубежной философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия (e-mail: akrouglov@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1152-1309

About the author:

Krouglov Alexei N. — PhD in Philosophy, Professor, Department of History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (e-mail: akrouglov@mail.ru). ORCID: 0000-0002-1152-1309